Интервью с кинологом горно-лавинной службы

За плечами Ярослава десять лет работы кинологом в Сибирском поисково-спасательном отряде. В интервью Ярослав рассказывает о том, как собаки помогают искать пострадавших в лавинах, селях и техногенных катастрофах и как кинологи готовят четвероногих спасателей к работе в непредсказуемых условиях.

В 1911 году в Санкт-Петербурге открылся первый в России питомник полицейских собак. Но привлекать к поискам преступников или пропавших людей собак стали значительно раньше. В 1909-м в Москве был известен первый заслуженный хвостатый полицейский — доберман-пинчер по кличке Треф. Он помог раскрыть около 1500 преступлений. До сих пор собаки остаются незаменимыми помощниками полицейских, таможенников и спасателей, особенно в горах.

— Ярослав, как ты попал в спасательную службу Сибирского поисково-спасательного отряда?

— Всю нашу жизнь зачастую определяют случайные встречи. Так получилось и у меня — после срочной службы встретил человека, который помог мне попасть в поисково-спасательный отряд, в кинологическое подразделение...

— Ты с самого начала хотел работать с собаками или это получилось случайно?

— Случайностей в жизни не бывает. Как и многие дети, я любил собак, всегда хотел собаку и просил у родителей щенка. И мама, конечно же, отвечала: «Нет! Только через мой труп». Так что с собаками я начал каждодневно общаться только в сознательном возрасте.

А в МЧС всё уже произошло осознанно. Как ни удивителен этот факт для большинства сограждан, но МЧС не является военной организацией, в приказном порядке никто никуда сотрудников не распределяет. Я всегда хотел работать с собаками, имел склонность к общению и взаимопониманию с животными, поэтому попросил зачислить меня внештатным кинологом. Никакого профессионального образования у меня не было — дело было новое, специалистов немного. Только в последние годы кинологические подразделения начинают появляться там, где они по-настоящему нужны, но личные склонности человека всё равно являются определяющими. В общем, меня взяли и отправили на кинологическую учёбу.

— Где нужно учиться, чтобы стать спасателем-кинологом?

— В 46 кинологическом учебном центре МЧС, рядом с Ногинском, в Подмосковье. В России он единственный. Обучение длится не меньше месяца, а если нужно — то дольше.

— Учишься уже вместе с собакой?

— Конечно, ты и собака с самого начала учитесь работать вместе, одной командой. Может быть два варианта: либо ты приходишь со своей собакой и вместе с ней проходишь тестирование. Либо берёшь «государеву собаку» из питомника, но тогда по окончании службы её возвращаешь, и с ней начинает работать другой человек.

— А «государева собака» к этому нормально относится?

— Чаще всего нет. Собака привыкает к хозяину, это не секрет. Смена человека для неё — большой психологический стресс. Хотя, по большому счёту, всё зависит от методики подготовки собаки. Если обучение поставлено правильно, собака не должна выбывать из строя в связи с душевными переживаниями. Такой эффект достигается при получении собакой максимального драйва от работы. Тогда кинолог для неё не имеет определяющего значения. Ей важна сама игра. Хочу заметить, что собака никогда не работает, она всегда играет. И на занятиях, и во время применения её умений по назначению. А какая это будет игра, вялая или динамичная, зависит от того, кто обучает четвероногого.

— Какие породы собак предпочтительнее для поисково-спасательных отрядов?

— На самом деле это от моды зависит. Раньше в кинологической службе были в основном «немцы», немецкие овчарки, их сменили лабрадоры, голден-ретриверы. Потом популярны стали австралийские овчарки, бордер-колли, пастушеские собаки. А сейчас в отрядах большое количество овчарок, только уже бельгийских. Стали появляться и охотничьи, подружейные собаки.

— Какими особенностями должна обладать собака для работы в поисково-спасательном отряде?

— Во-первых, она должна быть контактной, доброжелательной к людям, она должна любить свою работу, искать человека, который, в принципе, ей приятен. Породы, которые выводились как охранные, защитные, для такой работы мало подходят. Конечно, можно попытаться отучить собаку лаять и кусать чужих, но это довольно сложно. А если собака агрессивна, то она может, не дай Бог, напасть на найденного пострадавшего, человек в стрессовой ситуации нередко ведёт себя неадекватно, собака не должна пугаться и проявлять агрессию. Все в конечном итоге упирается в упёртость и энтузиазм самого кинолога!

Поисковая собака должна быть лёгкой, подвижной. Когда работаем на промышленных или просто городских авариях, посылаем собаку на поиск в завалах, там же арматура торчит, куски бетона, камни… собака должна уметь быстро передвигаться по такому сложному рельефу. И не только передвигаться, а ещё и искать при этом. Собака должна быть смелой. Где-то ей страшно, но она всё равно идёт, ищет, работает. Это её задача.

— Есть породы, которые категорически не подходят для работы в спасательном отряде?

— О, да! Это, например, кавказская овчарка. Тяжёлый, агрессивный охранник, заточенный на защиту стада от волков, охрану дома. Научить его поисковой работе возможно,

но как такой «бегемотик» будет перемещаться по лавине, завалу? Плюс его природная злоба и недоверие к окружающим закреплены в генетике. Проблем с такой собакой будет масса. Под каждую задачу нужен свой инструмент. Глупо ведь чистить уши стамеской, когда для этого есть ватные палочки? Хотя, попробовать, конечно, может каждый.

— Как тренируют собаку для такой работы?

— Собака была рядом с человеком со времён неолита, это одно из первых приручённых животных. Из поколения в поколение в собачьих головах передавалось положительное отношение к человеку. Часто собака была помощником в охоте, искала куниц, лисиц, белочек. Это легко и интересно практически для любой собаки. Такая игра у неё в генетике заложена. На тренировках мы убираем белочку и ставим на её место человека. И собака, используя свой генетический, физиологический потенциал, его ищет. Когда находит, даёт знать лаем или другими способами. И кинолог-«охотник» даёт ей материальное подкрепление: хвалит, угощает. Точно так же, как и древний охотник хвалил собаку, нашедшую зверя, и отдавал ей звериную лапку. Это нормальные партнёрские взаимоотношения.

— Чем поощряют собаку?

— Это зависит от того, что собака любит, все индивидуально. Если у неё запредельная пищевая мотивация — ей дают лакомство. Если у неё ярко выражена мотивация игровая — ей кидают мячик на верёвочке или всё, что приносит ей радость. Причём играть с ней на тренировках должен не хозяин, а «пострадавший». Иначе зачем его искать? Хозяина можно развести на игру-лакомство и так, а пострадавший пусть себе дальше лежит, он собаке будет не интересен.

— Что у собак получается лучше, чем у людей?

— Во-первых, у собак есть мощный нюх. Он в десятки тысяч раз сильнее человеческого. Для сравнения — собака способна учуять одну запаховую молекулу в одном кубометре воздуха! Во-вторых — слух. В-третьих, лёгкий вес и скорость передвижения по сложному рельефу.

— На какой глубине собака может учуять пострадавшего в техногенных завалах?

— Техногенные завалы — они же не однородны, от глубины нахождения мало что зависит. Где-то есть полости, отверстия, дыры, по ним идут потоки воздуха с запахом. Когда ты идёшь по такому завалу, то стараешься найти прежде всего такие воздуховоды, и уже вокруг них пускаешь работать собаку. Плюс учитываешь скорость и направление ветра, часы максимальной суточной активности собаки, качество завала, температуру воздуха, влажность. Это очень тонкая работа. В царское время не зря кинологией занимались только офицеры. А сейчас говорят в полиции: «Кинолог — это высшая степень деградации полицейского». Обидно, однако!

— А для поиска людей под снегом собак используют?

— Конечно, это основная задача горного спасательного отряда. По максимальной глубине нахождения пострадавшего статистики не ведётся, но я знаю, что на Кавказе однажды нашли тело на глубине 11 метров! Правда, это был медведь...

— Собака может сама выкопать пострадавшего из-под снега, из-под селя?

— В принципе, может! Это один из способов обозначения находки — копание. В поисковых работах по технике безопасности собака не должна приближаться к пострадавшему, её задача — просто обнаружить. Но если речь идёт о поиске в лавине или селе — то пусть копает! Конечно, бригада спасателей сделает это быстрее, но и собака вполне может справиться. Только зачем? Собака — это инструмент обнаружения, а для откапывания за ней идёт куча спасателей. Пусть себе копают!

— Сколько лет ты провёл в горноспасательных отрядах?

— В Сибирском поисково-спасательном отряде я проработал три года, потом ушёл на таможню, потом служил в Министерстве обороны, везде с собакой, естественно! Сначала у меня был лабрадор, потом, начиная с таможни, немецкая овчарка. Всё-таки искать людей и искать запрещённые вещества — разные вещи, редкая собака умеет и то, и то. Всё, как и в природе. Ничего универсального не существует.

— За время работы в спасотряде сколько человек вы спасли, сколько живых и мёртвых нашли?

— Увы, в основном спасатели находят мёртвых. Если группа не откопала живым своего товарища в течение первых 10-15 минут, после этого найти его живым уже шансов мало. Кто регулярно бывает в горах зимой, знает, что снег, снежная лавина только выглядит как лёгкая пыль. Остановившись, снег спрессовывается практически в бетон, выжить в нём до приезда спасательного отряда сложно.

Впрочем, случаи, когда кинологов зовут на спасработы в лавинах, довольно редки. На моей памяти мы выезжали на сход лавины всего несколько раз.

— Швейцарские сенбернары, по рассказам, носят на шее бочонок с глинтвейном для согревания найденного пострадавшего, у нас такое практиковали когда-нибудь?

— Сенбернары — легендарные собаки, это первые собаки, специально выведенные для работы в горах ещё в средние века в монастыре под перевалом Сен-Бернар. В прошлом веке наверняка так и было. Но сейчас и там есть современные спасательные службы: и у нас, и у них собаки одни по горам не бегают.

— Если что-то случилось с хозяином, собака может позвать на помощь?

— Кинолог с собакой никогда в отрыве от группы не работает. Поэтому всегда есть кому прийти на помощь, если что-то стрясётся с кинологом.

Когда мы работаем, я увлечён собакой. Её уши — это мои уши. Её нюх — это мой нюх, её лапы — мои ноги. Что творится рядом, я могу просто не увидеть. Поэтому есть специальный человек — наблюдатель, который следит за безопасностью.

— В спасательной группе одна пара кинолог-собака?

— Всё зависит от ситуации, от структуры отряда и от масштаба чрезвычайной ситуации. Если авария очень крупная, то там, конечно, будет несколько кинологов.

— В каких крупных спасательных операциях ты принимал участие?

— Мы ликвидировали последствия паводков на Дальнем Востоке, аварии на заводах. Там, конечно, собаке было работы немного, но у нас нет такого, как в западных структурах,

где кинолог пришёл, отработал с собакой и ушёл. У нас собака отработала, ты её привязал — и пошёл вместе со всеми копать, таскать, разбирать, налаживать эвакуацию и так далее. Все работают, не щадя сил. И кинолог — прежде всего спасатель.
Конечно, есть специалисты, которые камни не таскают. Это, прежде всего, начальники отрядов и их замы. Остальные умеют всё, и делают всё, что требуется, независимо от специализации службы, к которой они относятся.

— Какие основные сложности в работе с собаками у спасателей?

— С собаками? С собаками как раз сложностей никаких. Основная трудность — это человеческая лень! Сложности бывают, большей частью, с руководством. Не везде руководство кинологической службы относится к хвостатым сотрудникам по-человечески. Терпеть такое отношение со стороны руководства не все кинологи готовы, поэтому и увольняются грамотные, квалифицированные ребята.

— Что тебе лично дала служба в спасотряде? Хотел бы ты вернуться?

— Мне очень нравилась работа, мы занимались хорошим делом, сложился хороший коллектив: и человеческий, и собачий. Меня не раз звали вернуться, и я бы хотел... но зарплата спасателя, увы, оставляет желать лучшего, работать на энтузиазме всю жизнь невозможно.

— С какого возраста собак начинают отбирать для работы в спасотряде и тренировать?

— Оптимально — с шести месяцев. Когда уже примерно понятно, какие задатки у этого собачьего индивидуума. Маленького щенка берёшь — и непонятно, что из него вырастет, характер не оформился ещё. Но с подрощенными собаками есть свои сложности. Многое зависит от того, у кого он жил всё это время, как с ним обращались, чем он питался, как социализировался и ещё очень много всевозможных нюансов...
Я своего «немца» когда забирал, у него была проблема: пёс очень боялся повышения голоса и малейшего психологического давления. Поэтому приходилось с него пылинки сдувать, пока психика щенка не окрепла, пока он ко мне не привык.

— Собаку дрессируют специально обученные люди или она тренируется вместе с хозяином?

— По-разному. Если брать западную модель обучения собак, то там всё происходит следующим образом: на подрощенных щенков в доме или в питомнике приезжает посмотреть группа кинологов. Они отбирают тех, кто способен работать в поисковых отрядах, увозят в питомник, обучают базовым навыкам, сводят с коллективом, и дальше отряд начинает учиться работать вместе. У нас же чаще всего спасатели приходят со своими собаками и тренируются изначально вместе с ними.

— Сколько в России поисковых собак?

— Если брать горно-лавинную службу, где у каждого кинолога должен быть альпинистский разряд, минимум третий, где работа связана с физическими трудностями — то расчётов 30 на всю страну. Расчёт — это кинолог плюс собака. Профессия довольно редкая.

— Востребованы горные расчёты кинологов?

— Очень. Кадров не хватает. И прежде всего людей. Причиной тому, во-первых, невысокие зарплаты, а во-вторых, устаревшая система аттестации кинологических расчётов. Например, на соревнованиях, на экзамене тебе даётся 20 минут, за эти 20 минут ты должен найти от двух до четырёх пострадавших. А в реальности ты приезжаешь в отдалённый район и ищешь пострадавших сутки-двое! Собака, которую натаскивали на сдачу экзамена, привыкла работать 20 минут. Она же, повторюсь, абсолютно стереотипно мыслящее животное. После сдачи экзаменов её нужно ещё тренировать работать в реальности, искать много часов подряд, находить удовольствие в самом поиске, а не просто работать за поощрение на публику.

Есть такие расчёты и на равнинах, и в городах. И везде всё держится на энтузиастах, на инициативе снизу. Везде есть фанаты, которые готовы работать за небольшие деньги, терпеть бесконечные бюрократические нелепицы, они любят собак и чувствуют себя в кинологической службе на своём месте.

— То есть собака должна находиться «в режиме поиска» всегда?

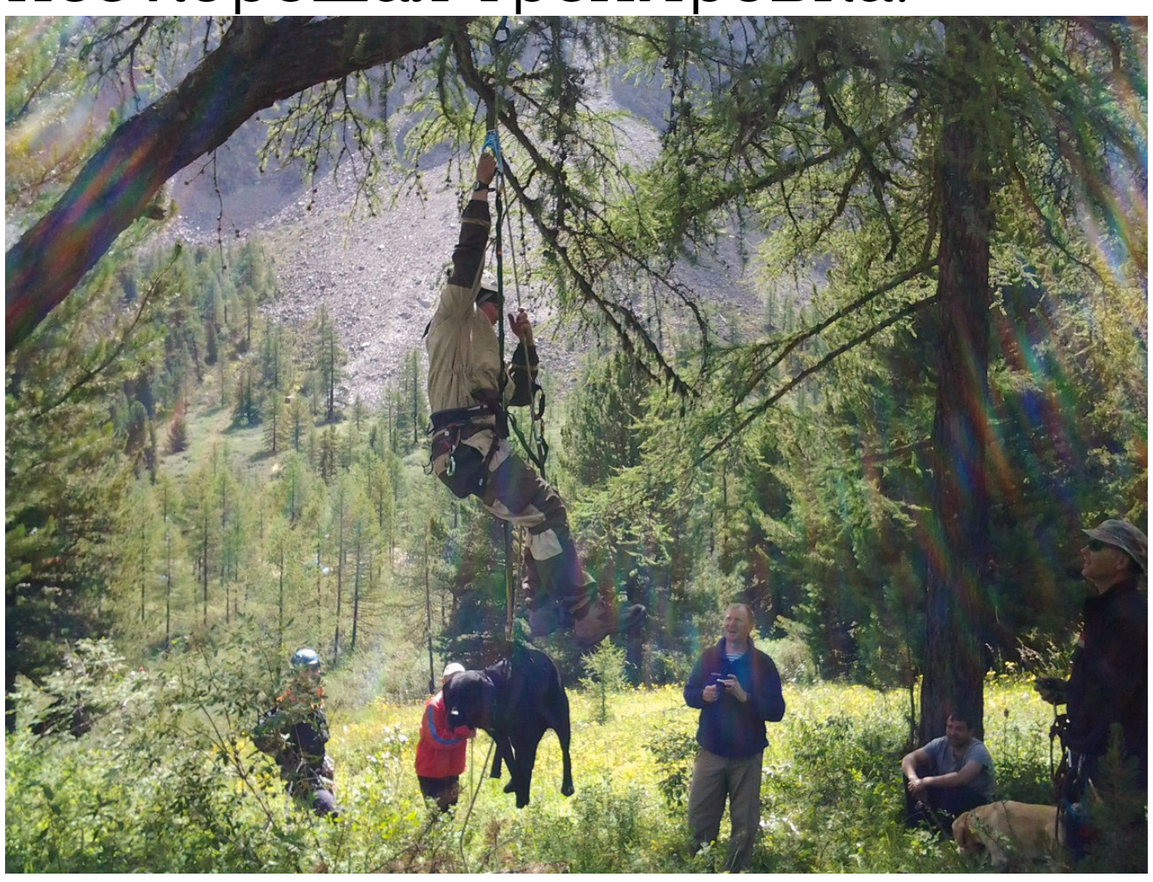
— Да. Это в идеале. И любого встреченного человека в том же самом лесу она должна обозначать. Здесь тоже сложности — в лесах много грибников, рыбаков, которые отнюдь не рады, когда их облаивает незнакомая, довольно крупная собака! Были случаи, что бросались на собак с ножом.

Понять людей можно: идёт человек, далёкий от собаководства, он не может отличить: как собака лает. Оборонительный это лай, агрессивный или сигнальный, дружелюбный? Естественная его реакция — защититься, кинуть камнем или ножом. Это проблема.

Хотя иногда собачий лай на каждого встречного играет и положительную роль. Недавно друзья выгуливали собаку, просто гуляли в городе, а собака когда-то была поисковой — и вот она убежала куда-то под гору, залезла в сугроб и начала там лаять. Подошли — а там лежит человек, еле дышит. Инфаркт! Спасли… А не залаяла бы собака — так бы и прошли мимо, увидеть его было сложно, и это зимой, в Сибири, при температуре -30°С. Не будь у собаки отработан свободный поиск, мужчина бы просто замёрз.

— Помимо работы ты ходишь в горы? Берёшь ли с собой собак?

— Хожу, конечно. У моей собаки третий разряд по альпинизму. И собаку специально беру с собой практически всегда, это для неё хорошая тренировка.



— Это правда, что собаки чуют под снегом трещины?

— Они всё чуют. Любую опасность. Ты ещё не подошёл к собаке, а она за несколько метров уже чувствует, какой у тебя пульс, как ты дышишь, что у тебя в карманах и в рюкзаке, здоров ты или болен, радостен или сердит. Она уже знает, чего ждать от тебя. Каждая эмоция — это ведь химия, всё это выделяется в воздух. И для собаки эмоции человека — открытая книга, обмануть собаку невозможно.

— Вообще, собаки в горах, в походе — это обуза или помощь?

— Смотря какие цели вы преследуете. Если человек никогда не озадачивался вопросами: как будет чувствовать себя собака в походе, как сделать так, чтобы было хорошо и мне, и ей? — то собака будет обузой, и человек ей будет обузой. Это то же самое, что с ребёнком идти. Собаку нужно готовить и готовиться к такому походу самому.

— Как тренируют собаку для горных походов?

— Собака — это существо, которое абсолютно стереотипно мыслит. У неё нет воображения. Если каждый день гулять с ней в городе по парку и говорить при этом: «Скоро пойдём в горы, готовься!» — собака на это не отреагирует никак, эффект будет нулевым.

Собаку нужно постоянно вывозить в горы, проходить с ней акклиматизацию — а у собак, не как у людей, «горняшка» наступает на 3-4 день. Собаку нужно приучать ходить в разное время суток. Если вы всё время поднимались в горы днём, ночью она не сможет с ходу сориентироваться — будет смотреть на тебя в изумлении и думать: «Чего ты хочешь от меня? Спать надо, ночь, мы ночью никогда не работаем!». Любая незнакомая ситуация для неё — стресс.

— Собака тоже болеет «горняшкой»? Как это проявляется?

— Ещё как! У неё лапы заплетаются, она спотыкается, ложится, высовывает язык, ей тяжело дышать — так же, как и человеку, мы в этом плане мало отличаемся. И лечение такое же — спуск вниз и отдых.

Ярослав со своим лабрадором Бэллой

— До каких высот вы доходили с собакой в походах?

— Нынешняя моя собака, лабрадор, по факту тоже закрыла третий разряд по альпинизму. Доходили мы с ней до 4000, вполне успешно.

— Мёрзнут лапы у неё?

— Не особенно. Больше проблем на леднике. Беспокойство собаке доставляют ледышки, намерзающие между пальцев и царапающие подушечки лап. Она постоянно их выкусывает. Бороться, однако, бессмысленно, собачьих ботинок на гортексе не придумали. Пусть привыкает! Чем толще у неё нарастут мозоли на лапах, тем легче ей в дальнейшем.

— А дикие животные в горах встречаются? Как собака реагирует?

— Встречаем, конечно. Волки попадаются, туры. Реакция больше от конкретной собаки зависит. Некоторые активно обороняют свою «стаю» или лагерь, лают, рычат. А некоторые наоборот — пугаются, забиваются в палатку. Иди, мол, хозяин, разберись с этой проблемой сам — а мне страшно, я пока тут посижу!

— Какие ещё самые большие стрессы для собаки в горах?

— В работе собаки в МЧС вообще много сюрпризов бывает. Например, отдельное приключение, когда собаку с кинологом спускают безпарашютным десантированием, к зависающей «вертушке» привязывают на верёвку и десантируют.

Это о-очень яркие впечатления для собаки! Ну, впрочем, если бы кинолога связали и спускали из грохочущего вертолёта неведомо куда, он бы тоже был не в восторге.

— Для собак есть специальное снаряжение, страховочные системы?

— Да, есть страховочные обвязки для собак — всё как у людей!

— А каска для собаки обязательна?

— Нет, вот каска ей пока не полагается. Но это у нас. В Америке, например, существует очень много специального снаряжения для собак, и даже разработан специальный собачий шлем для десантирования и работы на больших высотах. Шлем, куда подаётся кислород. Да, приучить её к такому шлему — кропотливая и долгая работа. Но дело того стоит!

— Туристу, кинологу, идущему с собакой в горы, нужно какое-то специальное снаряжение? Штаны, например, попрочнее?

— Если собака любит на хозяина прыгать, то прочные штаны нужны всегда, не только в горах. А если собака большого размера, то такие штаны нужны всем членам группы!

— Собаки травмируются? Какие самые частые травмы у поисковых собак?

— Есть очень большая проблема — это палец. Один из пальцев, который находится выше остальных. Когда собака идёт по насту, который часто ломается под весом животного, палец может быть травмирован, вплоть до полного отрыва.

Поэтому всегда носим с собой ветеринарную аптечку, без неё никуда. Антисептики, перевязочные средства, заживляющий спрей, прочие лекарства. И, кстати сказать, ветеринарная аптечка гораздо эффективнее человеческой, мы и сами ей нередко пользуемся! Возможно, это связано с тем, что для животного эффект плацебо не существует. Лекарство либо работает, либо нет.

— Поговорка «заживёт как на собаке» — справедлива? У них действительно всё быстрее заживает?

— Да. И у хозяина собаки тоже. Их слюна — отличный антисептик благодаря ферменту лизоциму, это давно известно.

— Четвероногие в горах несут какой-то груз?

— Очень большие споры идут по этому поводу. Я считаю, что вешать груз на собаку — лишнее. Для собаки можно сделать рюкзак, но, например, для лабрадора три килограмма на спине — это уже большая нагрузка, он быстро устаёт, хуже прыгает и бегает. В масштабе груза туристической группы три килограмма — это ничто, а собаке без груза куда легче и веселее.

— Собака спит с тобой в палатке или на улице?

— Естественно, на улице. В палатку своего один раз только взял: на 3600 свалила горная болезнь, я его в палатку положил. Проснулся утром оттого, что мне о-очень «свежо», я сплю вне спальника и коврика — пёс развалился и меня оттуда вытолкнул.

Но вообще собака спать должна на улице. Любой пёс, исключая разве что мелкие комнатные породы, выдерживает температуру до -25°С спокойно. Но как только ты завёл собаку домой — всё, ей уже на улице холодно, она спать там не может. Так что если брать с собой в поход собаку, живущую в доме, нужно сначала её приучить спать на улице. Впрочем, если это зимний поход в Крыму — любая собака перенесёт его спокойно.

— Спасибо, Ярослав, удачных тебе походов и пусть любой поиск заканчивается хорошо!

Интервью брала СВЕТЛАНА ХЛЕБНИКОВА.